0- 769568

На правах рукописи

КУДРЯВЦЕВА Екатерина Александровна

ЭЛЕМЕНТЫ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА
(на материале документов Туруханского Троицкого монастыря)

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Барнаул – 2007

Работа выполнена на кафедре русского языка ФГО ВПО «Сибирского федерального университета»

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор Т.М. Григорьева
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Л.Г. Панин
	кандид... филологических наук, доцент Ю.И. Гамаюнова
Ведущая организация	Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Защита состоится «14» ноября 2007 года в 11–30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.005.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ
0000443468

Автореферат разослан «13» октября 2007 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент
Н.В. Панченко

0- 769568

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предлагаемая работа посвящена проблеме функционирования элементов церковно-славянской[1] традиции в официально-деловой письменности начала XVIII столетия.

В современной филологической науке одним из основных направлений изучения делового письма является лингвистическое источниковедение, основы которого были разработаны С.И. Котковым [Котков 1972; 1980]. В рамках данного направления особое внимание уделяется памятникам, впервые введенным в научный оборот, дается их палео- и археографическое описание.

При дальнейшем изучении тексты деловой письменности становятся источниками по истории живого, разговорного языка (языка регионов) [Мазо 1970; Панин 1985; Волынская 1992; Малышева 1997; Захарова 2002; Городилова 2000 и др.], по изучению отдельных аспектов нормирования русского языка [Шулежкова 1967; Чередниченко 1973; Бурнашева 1974; Объедкова 1974; Волков 1975; Копосов 1976; Ващенко 1987; Н.С. Коткова 1987; Глинкина 1998; Сивкова 1999; Биньковская 2003; Калмыкова 2004].

Анализу жанрового состава и структуры документов посвящены работы Качалкина [1988]; Косова [2004]; Трофимовой [2005] и др.

Вопрос о влиянии церковно-славянской традиции на деловой язык различных эпох также отмечается исследователями [Кортава 1998; Ремнева 2003]. Однако, согласно сложившейся традиции исследования церковно-славянских элементов в «неродственном контексте», анализу обычно подвергаются те единицы, которые генетически восходят к старославянскому или церковно-славянскому языку русского извода [Волков 1975; Шакун 1975; Русановский 1978; Борисова 1975; Викторова 1992; Выхрыстюк 1999; Сухина 2006]. Корпус таких единиц в свое время был выделен А.А. Шахматовым [Шахматов 1941].

---

[1] В написании данного слова мы руководствуемся орфографическими предписаниями последнего времени. См., например, Касаткин Л.Л. Церковно-славянский язык // Русский язык: энциклопедия. М., 1998. С. 615-616; Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно: Орфографический словарь-справочник. М., 1988. С. 870.

Анализ по преимуществу генетических славянизмов в текстах делового письма (особенно это касается периода становления национального языка) приводит к выводам о том, что «книжно-славянские» и «народно-разговорные» элементы представляют собой своеобразный сплав, результатом является нейтрализация единиц «славянского происхождения».

В последнее время наметился иной подход к изучению книжных элементов и механизмов их выявления [Солуянова 1989; Живов 1996; Молдован 2003]. В рамках данного подхода делается попытка определить «функциональные» для определенного исторического периода элементы церковно-славянской традиции путем реконструкции их восприятия носителями языка. Объектом таких исследований являются тексты, бывшие в донациональную эпоху сферой применения книжного («гибридного церковно-славянского») языка. Деловой язык не включается этими авторами в литературную парадигму. В период формирования нового литературного языка он, по их мнению, представляет собой «уходящее явление, совершенно не значимое для нового языкового сознания [Живов 1996: 220].

Таким образом, актуальность исследования определяется тем, что осмысление делового языка в аспекте функциональной преемственности книжной традиции еще не получило достаточного научного освещения [Майоров 2006]. В то же время, как представляется, именно элементы церковно-славянской традиции включают язык деловой письменности в число разновидностей национального литературного языка. Описание данных элементов в региональной деловой письменности начала XVIII столетия позволит дополнить картину языковой практики в период до начала нормализации нового литературного языка.

Объектом исследования является деловая письменность первой четверти XVIII века, представленная разножанровыми документами центральных и региональных ведомств, хранящимися в фонде 594, Туруханский Троицкий монастырь (ГАКК).

Предмет исследования – элементы церковно-славянской традиции на разных языковых уровнях и их функциональные возможности в деловом языке указанного периода.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

Цель исследования – описать черты преемственности книжной и деловой традиций с учетом региональной специфики как фрагмент языковой практики Петровской эпохи.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

1. представить динамику научного осмысления понятий «книжный элемент», «славянизм», «канцеляризм». Обозначить специфику изучения книжных элементов в деловом письме;
2. опираясь на данные словарей и грамматик, выявить репертуар синтаксических, морфологических, лексических и фразеологических единиц, встречающихся в анализируемом материале, в аспекте их соотнесенности с книжной традицией;
3. определить специфику употребления книжных элементов в ряду синонимических средств в зависимости от жанра документа, характера ведомства, места создания.
4. выявить функциональные возможности элементов церковно-славянской традиции в деловом письме изучаемого периода.

В процессе исследования применялись следующие методы:

метод сплошной выборки – при извлечении различных языковых фактов для последующей их классификации;

метод контекстного анализа – при установлении значений книжных элементов и их синонимов, а также при уточнении их стилистического статуса;

сопоставительный метод – для выявления особенностей употребления аналогичных элементов в текстах разных жанров, относящихся к различным ведомствам и под.

сравнительно-исторический метод – при определении особенностей функционирования церковнославянизмов в языке XVIII века и предшествующего периода;

количественный метод – для установления частотности и регулярности употребления отдельных книжных элементов.

Материалом исследования послужили оригинальные скорописные тексты разных жанров, составленные в сибирских канцеляриях, а также копии столичных документов (скорописные и печатные), относящиеся к началу XVIII века. Анализу также подвергнуты некоторые документы второй половины XVII века. Все тексты извлечены из фонда Туруханский Троицкий монастырь.

Общий объем рукописных текстов – 351 лист, печатных – 27. В качестве вспомогательного материала привлекаются данные словарей и грамматик церковно-славянского и древнерусского языков и Картотеки словаря древнерусского языка XI – XVII вв.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. В научный оборот вводятся региональные памятники делового письма второй половины XVII – начала XVIII века, написанные скорописью, которые не подвергались прежде лингвистическому анализу и не публиковались. Рукописные копии опубликованных столичных документов, сделанные провинциальными канцеляристами также представляют научную ценность, в частности, в плане текстологического анализа.

2. Предлагается описание славянизмов не в «генетическом», а в «функциональном» аспекте для делового языка Петровской эпохи на материале текстов сибирского региона.

3. Реконструируется корпус синтаксических, морфологических, лексических, фразеологических единиц, соотносимых с церковно-славянской традицией на данном историческом этапе. Обозначены штампы, возникшие на базе церковно-славянских слов и синтаксических моделей.

4. Уточняется стилистический статус рассматриваемых элементов с учетом жанрового своеобразия, места создания, авторства документов, а также условий делового общения. Соответственно выделяются три группы единиц – *канцеляризмы*, *славянизмы*, *нейтральные элементы*.

Теоретическая значимость работы заключается в воссоздании фрагмента языковой практики Петровской эпохи в аспекте взаимодействия двух языковых традиций – книжной и деловой. Результаты исследования могут способствовать решению вопросов, связанных с определением функционального статуса делового языка в период становления литературного языка на национальной основе и выяснением роли церковно-славянского языка в этом процессе. Наблюдения над становлением стилистических категорий славянизмов и канцеляризмов представляют ценность для исторической стилистики русского языка.

Практическая ценность. Результаты работы могут быть использованы в преподавании курсов «Историческая грамматика», «История русского литературного языка», а также при разработке

спецкурсов по истории деловой письменности. Транслитерированные материалы могут стать объектом дальнейшего лингвистического исследования.

Отдельные положения работы нашли применение при разработке методики анализа текстов в ходе летней архивной практики, проходившей на филологическом факультете КГУ в 2002 – 2005 гг., а также при подготовке спецкурса «Деловая письменность в историческом развитии», который был прочитан на филологическом факультете в 2003 году.

Апробация. Результаты исследования представлялись в докладах и сообщениях на ежегодной внутривузовской конференции «Дни науки» (2000 – 2005 гг., Красноярск); на Всероссийской научной конференции «Виноградовские чтения» (ноябрь 2001 г., Тобольск); на 10-й международной конференции «Россия и запад: диалог культур» (ноябрь 2003 г., Москва); на XLIII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (апрель 2005 г., Новосибирск); на Международной конференции «Актуальные проблемы современной филологии: теория и практика» (сентябрь 2005 г., Красноярск); на научной конференции, посвященной 25-летию факультета филологии и журналистики (май 2006 г., Красноярск); на заседаниях кафедры русского языка КГУ (2002, 2005).

По теме исследования имеется 11 публикаций общим объемом 3 п. л.

Положения, выносимые на защиту:

1. Язык официальных (светских и церковных) документов начала XVIII подвергается «окнижению». Этот процесс является вполне сознательным и происходит в контексте культурной и языковой реформы Петра.

2. Основной сферой применения элементов церковно-славянской традиции в этот период являются распорядительные документы столичных канцелярий. Книжные элементы, внедренные «сверху» (прежде всего, синтаксические и лексические) становятся жанрово-стилистическими единицами канцелярского языка рассматриваемого периода, вытесняя синонимичные им элементы приказного языка.

3. В документах сибирских светских ведомств единицы «нового канцелярского языка» не получают в этот период

широкого распространения, в соответствии с ними еще достаточно активно функционируют элементы приказной традиции.

4. Славянизмы в текстах делового письма являются средствами выражения тех смыслов, которые в литературных текстах предшествующей эпохи передавались на «гибридном церковно-славянском».

5. Церковно-славянские элементы в текстах духовных ведомств эксплицируют принадлежность авторов (отправителей) документов определенной культурной традиции.

Структура работы: диссертация состоит из *введения*, *трех глав*, *заключения*, *списка литературы* и *приложения*. В приложение помещены образцы транслитерированных текстов разных жанров, составленных в столичных и провинциальных канцеляриях.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяется объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, характеризуется материал и методы работы, дается обоснование новизны, теоретической и практической значимости исследования, приводятся данные апробации результатов, а также излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Книжные элементы как предмет научного исследования: проблема терминологии и принципы описания» посвящена изложению основных теоретических взглядов на проблему отождествления книжных элементов в истории литературного языка.

Данная проблема предполагает выяснение содержания таких понятий, как «книжный язык» «книжные элементы», «славянизм», «канцеляризм» и под. и уточнения их для донациональной эпохи, с одной стороны, и для национального периода, с другой.

Научная традиция связывает представление о книжных элементах для донациональной эпохи с представлением о книжном языке, которым, по мнению многих исследователей, в это время являлся церковно-славянский язык. Принципиальным вопрос об отождествлении элементов книжного языка стал в связи с появлением известной концепции В.В. Виноградова о двух типах древнерусского литературного языка – «книжно-славянском» и

«народно-литературном». Ученый предложил решение одной из главных лингво-культурологических проблем, стоявших в то время перед историками языка: проблему происхождения и характера русского литературного языка древних эпох, кроме этого Виноградов наметил перспективы развития обоих типов литературного языка. Однако исследователь не обозначил четких критериев отграничения «книжно-славянского типа» от «народно-литературного». Многочисленные сторонники концепции В.В. Виноградова впоследствии пытались найти такие критерии (работы А.И. Ефимова, Е.Г. Ковалевской, Н.А. Мещерского, А.И. Горшкова и др.). Практически все конститутивные элементы, зафиксированные в произведениях, которые относились к этим двум типам, выявлялись в сфере лексики, фразеологии, словообразования и отчасти грамматики. Значимым при соотнесении оказывалось происхождение данных единиц – «славянское» или «русское». А поскольку те и другие единицы обнаруживаются в обоих типах, то релевантным оказывается не наличие тех или иных элементов, а их *преобладание* над элементами, характерными для другого типа.

Место делового языка в концепции В.В. Виноградова оказывается довольно неопределенным. По его мнению, «письменно-деловая речь, влияя на развитие литературно-народного языка и сближаясь с ним в обработанных произведениях деловой прозы (грамотах, отписках и т.п.), одним краем касается литературного языка, а другим уходит в гущу народно-разговорной диалектной речи»[2].

Отсутствие определенных функциональных показателей для разновидностей литературного языка донациональной эпохи, как они были представлены в работах В.В. Виноградова и его последователей, ставило перед историками языка задачи, связанные с поиском таких показателей.

С 70-х гг. появляются исследования, представляющие альтернативный взгляд на проблему. Для этих работ характерно «возвращение» к мысли о церковно-славянской основе русского литературного языка донациональной эпохи (работы Г.А.

---

[2] Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // В.В. Виноградов История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. С. 134-135

Хабургаева, О.Л. Рюминой [1971]; Б.А. Успенского [1983]; Е.Г. Солуяновой [1989]; В.М. Живова [1996]; М.Л. Ремневой [2003];).

Эти исследования объединяет мысль о том, что основные дифференциальные признаки между книжным (=церковно-славянским) в различных его разновидностях и некнижным (=русским), отраженным, кстати, в основном памятниками деловой письменности, выявляются на грамматическом уровне. Многие грамматические формы, будучи первоначально общими для русского и церковно-славянского, довольно рано в русском языке были утрачены (например, простые претериты) и стали основными показателями «книжного» характера текста.

Таким образом, общими положениями для языка допетровского времени, которые были выдвинуты представителями «грамматического» подхода оказываются следующие:

1. русским литературным языком донациональной эпохи был церковно-славянский;
2. элементы, отождествляющие этот язык в сознании носителей языка, выявляются, прежде всего, на грамматическом уровне, а лексические показатели являются вторичными;
3. деловой язык не является книжным.

Соответственно под **книжными элементами** для языка донационального периода понимаются единицы разных языковых уровней, отождествляемые носителями языка с единицами церковно-славянского языка своего времени.

Несмотря на то, что исследования «славянских по происхождению элементов» проводились на материале памятников различных эпох, термин «славянизм» входит в научное употребление только в связи с изучением языка середины XVIII века, когда формируется литературный язык на национальной основе, именно в это время славянизмы становятся показателями «высокого стиля» [Замкова 1975].

Из сказанного можно заключить, что применительно к донациональной эпохе объем понятия **славянизм** как функциональной категории совпадает с объемом понятия «книжный элемент», в XVIII столетии славянизмы входят в число книжных элементов наряду с другими стилистическими единицами, к которым относятся и канцеляризмы.

Формирование категории **канцеляризмов** исследователи относят к XVIII столетию, когда на смену приказному пришел новый канцелярский язык [Майоров 2006].

Практика приказного делопроизводства XVI – XVII вв. выработала соответствующие формуляры для определенных типов текстов. Эти формуляры, хотя и допускали известную вариативность, связанную с языковой личностью пишущего, тем не менее, характеризовались относительной устойчивостью и воспроизводимостью синтаксических конструкций и отдельных лексем. Образцы текстов, выработанные в приказах, и характерные для них речевые единицы по инерции служили канцеляристам еще и в XVIII веке, когда были созданы новые правила для составления документов.

Уже в московский период, по мнению историков языка, деловая письменность вовлекается в сферу влияния литературного языка [Виноградов 1978; Ковалевская 1978; Горшков 1984]. Это было связано с выходом делового языка за рамки делопроизводственной практики, оформлением с помощью его ресурсов различных сторон общественной жизни и, как следствие, проникновением в него средств литературного (книжного) языка[3]. Такой преемственности способствовало и то, что профессиональные писцы, дьяки и подьячие, владели церковнославянским языком, более того, перу выдающихся представителей этого сословия принадлежат произведения, выходящие далеко за рамки делового стиля [Кортава 1998].

Отдельные элементы приказного языка, связанные с книжной традицией сохраняются и в деловом языке XVIII века, где сосуществуют с новыми канцелярскими элементами.

Под **канцеляризмами** (для языка XVII – XVIII вв.) в работе понимаются языковые единицы (преимущественно синтаксические, а также лексические), являющиеся специфической принадлежностью делового стиля, обладающие высокой степенью воспроизводимости и фразеологичностью семантики.

Намечаются три группы канцеляризмов в зависимости от условий их функционирования:

1. канцеляризмы, характерные для делового стиля в целом (например, анафорические слова типа *вышеозначенный*);

---

[3] Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984: 140 – 141.

2. канцеляризмы, встречающиеся в определенных жанрах (например, *бить челом* или выражение *имею я намерение (желание)*, которое по наблюдениям А.Г. Косова, было употребительно в прошениях[4]);

3. канцеляризмы, входящие в состав отдельных частей (блоков) документа (типичным примером могут служить конечные формулы «рукоприкладства», не связанные ни с жанром, ни с тематикой документа: *руку приложил*, *за руками* и т.п.).

В работе анализируются такие элементы канцелярского стиля, которые, как представляется, явились **результатом переосмысления церковно-славянских элементов**.

Совсем недавно была предложена классификация **славянизмов** в деловом письме XVIII века с точки зрения их стилеобразующего потенциала [Майоров 2006]. Автором выделено несколько групп славянизмов в зависимости от специфики их функционирования:

1) стилеобразующие средства делового письма;

2) жанрово-стилистические средства деловой письменности;

3) этикетные средства канцелярского слога;

4) средства создания высокого слога в деловом письме.[5]

Как представляется, к первым трем группам славянизмов, коль скоро они переосмыслены в качестве элементов канцелярского слога, целесообразно применять термин «канцеляризмы». Только лексемы последней группы («славянизмы как средства создания высокого слога») могут быть признаны славянизмами в собственном смысле слова.

В предлагаемом исследовании считаем целесообразным разграничить канцеляризмы, восходящие к книжной традиции, и славянизмы, сохраняющие свой функциональный статус в деловом письме.

---

[4] Косов А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века (на материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области): автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. С. 18.

[5] Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006. С. 79 – 139.

Во **второй главе** «Книжные элементы в деловой письменности нач. XVIII века: репертуар единиц, контексты употребления, синонимы» предлагается описание элементов церковно-славянской традиции на разных языковых уровнях – синтаксическом, морфологическом, лексико-фразеологическом. Для установления их связи с церковно-славянской традицией привлекались данные грамматик [Зизаний 2000; Смотрицкий 2000] и словарей церковно-славянского и древнерусского языков, а также исследований в области сравнительно-исторического языкознания.

Критерием отбора единиц для анализа послужила возможность установления их «функциональной маркированности». Особое внимание при этом уделяется элементам, с большей или меньшей регулярностью воспроизводимым в деловой речи изучаемого периода. Здесь же выявляется своеобразие употребления данных единиц в связи с жанровой спецификой документа, местом его происхождения, светским или духовным характером ведомства-отправителя. Для уточнения стилистического статуса отдельных элементов последние рассматриваются в ряду синонимичных средств.

Глава состоит из трех параграфов, в каждом из которых рассматриваются единицы определенного уровня – синтаксического, морфологического, лексико-фразеологического.

В числе **синтаксических элементов**, связанных с книжной традицией, в деловой письменности Петровской эпохи зафиксированы отдельные предложно-падежные формы (*по+N_3*, *по+N_6*, *под+N_5*, *противно+N_3*, *ради+N_2*), конструкции с «двойными падежами» и конструкция «да+презенс глагола».

Своеобразие употребления «книжных» предложно-падежных форм заключается в том, что некоторые из них функционировали в деловом письме XVII века (*по+N_3*, *по+N_6*), распространение других (*под+N_5*, *противно+N_3*) обязано формированию нового канцелярского языка петровского времени.

Связь с книжной традицией полисемантичных синтаксических форм, как правило, выявляется на уровне отдельных значений.

Так, форма *по+N_3*, являющаяся одной из частотных синтаксических моделей официально-делового письма, обнаруживает связь с церковно-славянской традицией в значении «в соответствии с чем-либо»: *по указу*, *по ведѣнию*, *по доношению*, *по росчетѣ*, *по чьему благословению*, *по цр҃ковному обычаю* и в каузальном значении: *по невѣдению своемѣ*. Для *по+N_6* таким

значением является «временная последовательность между событиями»: *по прошествиі, по окончаниі, по ѡбявлениі сего указу, по отѣзде*; для *под*+N_5 – каузальное значение: *под жестоким наказанием, под ѡпасением, под штраѳом*.

Анализ деловых памятников, хранящихся в фонде Туруханский Троицкий монастырь показал, что формы *по*+N_3, *по*+N_6, *ради*+N_2 характерны для делового языка в целом, в то время как *под*+N_5, *противно*+N_3 встречаются в распорядительных документах центральных канцелярий, а именно в конечной диспозитивной части:

ѿ приходцких црк҃вей <...> *в дом[ы]* <...>*не ходить* ***под штраѳом***...(Д. 2. Л. 21об); *нежели кто* ***противно*** *сему указу дерѕнеть какое писмо подать его цр҃скому величеству і такие яко преступники указов жестоко будуть наказаны* (Д. 2. Л. 14об).

Воспроизводимость ситуаций, оформляемых с помощью данных предложно-падежных форм, приводит к тому, что отдельные лексические реализации соответствующих моделей входят в состав клише: *по указу и по приказу, по указу и по приговору*; *по получении (указа)*; *под жестоким наказанием* и под.

Отдельный интерес представляет форма *ради*+N_2. Данная конструкция выражает два значения – причина и цель. Примеры ее использования немногочисленны. В каузальном значении *ради*+N_2 зафиксирована только в документах духовных ведомств:

которые ***немощи ради*** <...> *скꙋдо терпятъ* (Д. 7. Л. 28; из указа Синода), ***вины коей ради мл҃днцъ лишен ст҃аго крещения*** (Д. 7. Л. 6об-7об; из указа митрополита Тобольского Антония); *ѡные* <...> *книги опредѣлили мы* ***ради да[л]ности*** *присылать к нам* <...> *погодно* (Д. 7. Л. 8; из указа митрополита Тобольского Антония).

В целевом значении данная форма встречается в текстах духовных и светских учреждений центра (в этом значении обычна синонимичная ей форма *для*+ N_2). Можно полагать, что в значении цели форма *ради*+N_2, сохраняя книжный статус, являлась «программным» элементом, внедренным в деловую письменность «сверху», в каузальном значении она относилась к маркированным славянизмам.

К церковно-славянским синтаксическим единицам, встречающимся в анализируемых текстах, относится конструкция «да+презенс глагола». Специфика ее употребления в деловом языке XVIII столетия заключалась в том, входила в состав

воспроизводимых формул-клише, выражающих вежливый приказ или просьбу в документах соответствующих жанров:

и Енисѣйской Троецкои мнстрь ѡ приемѣ сеи прѡмѣморiи и ѡ присылкѣ ѡного Шумнова... ***да благоволит учинить*** (Д. 9. Л. 6; из промемории); *просимъ вашего величества* ***да повелитъ*** *державство ваше сию нашу челоби[тну] въ Мангазѣе столнику* <…> *принятъ* (Д. 2. Л. 45; из доношения).

Значение **желательности**, выражаемое с помощью «да+презенс» со свободными лексическими компонентами, эксплицируется только в речи духовных лиц: ***да напишется*** *сице, в тое книгу вписание сице* ***да будет*** (Д. 7 Л. 8об).

Анализ отдельных **морфологических элементов** в деловом письме начала XVIII века позволил уточнить статус церковно-славянских «по происхождению» вариантов парных флексий И.-В. п. мн. ч. *-ыя* / *-ые*, Р. п. ед. ч. м. р. *-аго* / *-ого*, Р. п. ед. ч. ж. р. *-ыя* / *-ые* / *-ой.*

Употребление вариантных флексий *-ыя* / *-ые* в документах столичных и провинциальных канцелярий, свидетельствует об их функциональном равноправии, на это, в частности указывает появление данных флексий внутри одной словоформы в текстах, составленных одним и тем же канцеляристом: *напечатанные* / *напечатанныя*, *таковые* / *таковыя*, *сенные* / *сенныя*.

Статус флексий *-аго* / *-ого* в центре и «на местах» неодинаков: немногочисленные формы с *-аго* в документах провинциальных ведомств оказываются лексически связанными: *духовнаго*, *синодскаго*, *вышеписаннаго*. Об ориентации на церковно-славянскую традицию свидетельствует употребление подобных форм в текстах, составленных от имени митрополита Тобольского и Сибирского Антония и настоятеля Троицкого монастыря архимандрита Лаврентия. Флексия *-аго* здесь также закреплена за определенными словоформами – *всечстнаго* (отца), *дховнаго*, *стаго*, *сицеваго*, кроме того в текстах духовных лиц она появляется в ударной позиции: *штраѳнаго*, *дрȣгаго*. В документах, присланных из центра, репертуар словоформ с *-аго* более широк, чем в региональных текстах (при абсолютном преобладании форм с *-ого*) *духовнаго*, *всякаго*, *бжественнаго*, *вѣрнаго*, *денежнаго*. Осознание флексии *-аго* как специфически «книжного» элемента, как представляется, соответствует консервативности провинциальных писцов. В литературных произведениях этого периода *-ого* / *-аго* функционируют в качестве равноправных вариантов [Солуянова 1989].

В использовании флексий *-ыя / -ые / -ой* со второй половины XVII века к 20-м гг. XVIII века наблюдается некоторая динамика. Как показал анализ, в приказном языке второй половины XVII века встречаются все три варианта, при этом они не обнаруживают каких-либо функциональных различий: например, *ѣс приказноѣ избы / ѣс приказн[ые] избы, новыя пѹстыни / новые пустыни, ѹсть нижные Тѹнгѹски реки / усть нижния Тѹнгѹски реки.*

В начале XVIII века вариант *-ые* практически не встречается, вариант *-ыя* сохраняется в этикетных формулах, называющих императора: *всея великия ѣ малыя и бѣлыя россіи самодержца, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорского величества,* а также в прилагательных, обозначающих элементы духовной сферы или связанных с существительными соответствующей семантики (ср. выбор флексии в зависимости от согласуемого существительного: *Енисѣиския соборныя ѩркви / Енисѣиской правинцѣи.* Нейтральные с точки зрения пишущего лексемы употребляются с флексией *-ой*: *военной коллегиѣ, из тоболской канцелярии, волотцкой правинъцыи, ѹтводной земли, синодалной команды.*

Таким образом, флексию *-ыя* для изучаемого периода можно рассматривать как специфически книжную.

К воспроизводимым **лексическим единицам**, заимствованным из книжного узуса, в деловой письменности начала XVIII века относятся сложные слова, среди которых значительное место занимают «прономинализированные причастия» *вышеозначенный, вышеписанный* и под., наречия, союзы и частицы.

Сложные слова с компонентами *выше-, ниже-, прежде-* были известны еще приказному языку, в XVIII веке число образований с этими компонентами и активность их употребления возрастает. Продуктивности подобных образований способствует их отсылочная (анафорическая или катафорическая) функция, которая включает их в число основных элементов текстообразования. Проанализированный материал показывает, что функционирование данных слов не связано ни с жанром, ни с тематикой документа, ни с происхождением последнего. В столичных документах разнообразие подобных форм несколько меньше, чем в текстах провинциальных канцелярий.

Наблюдения над функционированием в документах петровского времени наречий и релятивных слов (союзов и частиц)

показали, что использование значительного числа церковно-славянских форм – *ѕѣло*, *паки*, *паче*, *понеже*, *ибо*, *дабы*, *яко* (со значением «в качестве»), *точию* и др. характеризует распорядительную документацию (указы) центральных ведомств. Региональные тексты оказываются более консервативными в освоении этих лексем, здесь активнее используются средства приказной традиции – *для того что*, *буде*, *как* и под. Следует отметить, что употребление таких форм, как *ѕѣло* и *яко* могло быть связано с языковыми пристрастиями самого Петра.

В то же время такие архаичные книжные формы, как *аще*, *яко* (со значением изъяснения и причины), *аки бы*, *егда*, *донелѣ* в деловых памятниках функционируют в качестве полноправных славянизмов.

В главе анализируются в аспекте преемственности книжной традиции один из самых «активных» фразеологизмов деловой речи *бить челом* и терминологическое сочетание *мужеска (и женска) полу (душь)*.

Третья глава «Функциональные особенности книжных элементов в региональной деловой письменности начала XVIII века» состоит из двух параграфов. В процессе исследования были разграничены 1) элементы церковно-славянской традиции, переосмысленные в качестве стилеобразующих компонентов делового письма (канцеляризмов) и 2) элементы, сохраняющие свой церковно-славянский статус, поэтому функциональные возможности выявляются отдельно для каждого вида единиц.

Исследование показало, что канцеляризмы выполняют в деловом письме XVIII века несколько функций: **жанрообразующую, текстообразующую и этикетную**.

К жанрообразующим элементам относились релятивные слова (союзы и частицы), которые являлись средствами стандартизации распорядительных документов. Так, обычной в композиции указов была часть, содержащая основание для составления документа, она вводилась союзом *понеже*: ***Понеже*** *многими <...> указами подтверждено* ***і*** *в народъ печатными листами публиковано* ***дабы*** *доносители* ***дѡносили*** *толко* ***ѡ*** *слѣдующих дѣлах <...> а н҃нѣ несмотря на тот его ц҃рского величества указ приходя многие доносители...мимо караулных аѳицеров* ***і*** *подаютъ писма самому его ц҃рскому величеству не толко* ***ѡ*** *таких важных но* ***і ѡ*** *бездѣлныхъ дѣлахъ* ***і для того*** *<...>*

симъ <...> указом всѣм накрѣпкѡ подтверждается дабы ѡ первыхъ двухъ пунктах доносили попрежнему (Д. 2. Л. 14об.).

Отдельные предложно-падежные формы также входили в число жанрообразующих элементов, поскольку включались в штампы, характерные для определенных документных жанров.

В число единиц текстообразования, имеющих книжное происхождение, в официально-деловой письменности начала XVIII века входили элементы, имеющие традицию употребления в деловом языке предшествующего периода: например, предложно-падежные формы *по+N_3*, *по+N_6*, «прономинализированные причастия» и под.

Элементы книжной традиции активно использовались в составе различных этикетных номинаций, например, при назывании царствующих особ: *всепресвѣтлѣйшiи державнѣйшiи Петръ Великiи Iмператор i самодержецъ всероссiйскiи, всемилостивеишiи гдрь*. Этикетные формулировки появлялись также в обращениях нижестоящих лиц к вышестоящим: *нижаишiи бгомолцы твоi.*

Славянизмы в практике делового письма служили средствами выражения субъективной модальности [Бенвенист. 2002, Шмелева. 1994]. Можно обозначить основные метасмыслы, выявленные для славянизмов в анализируемом материале: «авторство», «коммуникативное намерение», «оценочность». Благодаря этим смыслам в документы, являющиеся по сути «стандартным», «обезличенным» изложением фактов, вносится момент *субъективности*, что, безусловно, выводит их за рамки «просто» письменных текстов.

Таким образом, основными функциями славянизмов в памятниках делового письма являются **функция отождествления авторства текста, прагматическая** и **тематическая.**

Так, церковнославянизмы «маркируют» документы, исходящие из духовных ведомств или от конкретных духовных лиц. К ним относятся, например, церковно-славянские союзы *аще, аки (бы), егда, яко* (в значениях изъяснения, причины, цели и под.), отражение на письме напряженных редуцированных, слова с чередованием в основе заднеязычных и свистящих, архаичные формы числительных, причастия на *-ше*, предложно-падежная форма *ради+N_2*. Примеры употребления подобных единиц можно найти в документах Синода и сибирских архиереев:

***Аще** и староверцами себе нарицают [н]о они же суеверцы* (Д. 12. Л. 29об. из увещания Синода); *и запрещенное на распутиях*

и торжищах нѣкоторыхъ невѣждъ ***аки бы*** *для молитвы стояния весма возбранить* (Д. 3. Л. 15, из указа Тобольского архиерейского приказа); *и вамъ бы* <...> *смотрѣть, чтоб* ***пиянства*** *в братиі не умножалося* ***ѡтчего*** *всякая злоба возрастает и подавляетъ в* ***человѣцех*** *добродѣтели и вам бы* ***ѡт*** *того весма себе* ***сохраняти*** *и протчих* ***унимати***...» (Д. 2. Л. 35, из указа настоятеля Троицкого монастыря); *которые млнцы не* ***получивше*** *крещение померли* (Д. 7. Л. 6об); ***ѡные*** *...книги опредѣлили мы* ***ради*** ***да[л]ности*** *присылать к нам...погодно* (Д. 7. Л. 8, из указа митрополита Тобольского и Сибирского Антония).

Прагматическая функция славянизмов реализуется в случае, когда пишущему необходимо достичь определенных коммуникативных целей, например, вызвать эмоциональную реакцию у адресата. Данная функция наиболее ярко проявляется в документах, содержащих увещания или наставления, а также в текстах, направленных «снизу вверх» (доношениях). Обычно презентация прагматической функции наблюдается на уровне целого текста.

Использование элементов церковно-славянской традиции в тематической функции связано с осознанием сообщаемой информации как важной, значимой.

«Тематическое» использование славянизмов в проанализированном материале можно проследить как на уровне текста, так и на уровне отдельной лексемы, в последнем случае мы обычно имеем дело с лексикализованными грамматическими формами. В числе случаев лексикализации можно назвать формы аориста от глаголов со значением «смерть»: ***преставилися***, ***скончася***, ***умре***, ***преселися дшею от временных к вечным обителем***.

В **заключении** излагаются основные выводы, к которым удалось прийти в результате исследования.

Популярный в последнее время тезис о том, что в период начального становления русского литературного языка нового типа деловой язык не принимал в этом процессе никакого участия и был «явлением уходящим», не находит подтверждения при анализе конкретного материала, т.е. собственно памятников делового письма.

Как показал исследуемый материал, язык официально-деловой письменности начала XVIII века значительно изменяется по сравнению с предшествующим периодом. Изменения

заключаются в выработке новых формуляров для разных типов текстов и, соответственно, в отборе языковых средств, оформляющих новый канцелярский язык. Значительное место при этом отводится элементам церковно-славянской традиции.

Действительно, деловой язык в период петровских реформ служит инструментом выражения различных государственных вопросов: политических, экономических, юридических. Повышение его статуса в условиях «новой государственности» требует соответствующих средств выражения. «Культурная память» деятелей начала XVIII столетия связана с церковно-славянским языком, который в их сознании должен был ассоциироваться с единственным на тот момент оплотом литературности.

Складывается парадоксальная ситуация: язык «литературных произведений» создается путем исключения из него «признаков книжности», находящихся в основном в сфере грамматики (В.М. Живов), деловой язык, бывший до этого за пределами литературности, напротив, «насыщается» книжными элементами. Поскольку ядром делопроизводственной системы Петровской эпохи была распорядительная документация, наиболее типичным жанровым «представителем» которой был указ, то именно документы этого жанра оказываются наиболее «насыщены» книжными элементами, последние выполняют жанро- и текстообразующую функцию. Указы Сената, Синода, различных коллегий, наконец, именные указы самого Петра распространяются на всей территории Российского государства.

Среди элементов, характеризующих указы и промемории, присланные из центра, нужно назвать служебные слова ***понеже***, ***ибо***, ***дабы***, ***яко***, ***точию***, наречия ***паки***, ***наипаче***, ***зѣло***, ***весьма***, синтаксические модели ***противно*+N_3**, ***под*+N_5**, ***ради*+N_2** (в целевом значении) и некоторые другие. Воспроизводимость подобных единиц как нельзя лучше соответствуют повторяемости ситуаций, описываемых в стандартизированных текстах делового письма.

Процесс «внедрения» элементов нового канцелярского языка происходил неодинаково в центре и в провинции. Анализ текстов начала столетия, составленных в канцеляриях, как духовных (Тобольский архиерейский приказ, Синодальное правление, монастырь), так и светских (Мангазейская приказная изба, Мангазейская земская контора, Енисейская ратуша, Енисейский съезжий двор), показал, что провинциальные писцы почти не используют жанрово-стилистических средств,

применяемых в документах центра. Здесь влияние предшествующей приказной традиции оказывается еще достаточно сильным.

Между тем, текстообразующие единицы, употреблявшиеся в приказном языке и характеризовавшие деловое письмо в целом, активны и в столичных, и в провинциальных текстах. В их числе следует назвать анафорические причастия с компонентами *выше-*, *ниже-*, *прежде-* и предложно-падежные формы ***по+N_3*** (со значением «в соответствии»), ***по+ N_6*** (со значением временной последовательности). Думается, сохранению приказной формулы *бить челом* в официально-деловой письменности этого периода способствовала именно ее «переквалификация» из жанрово-стилистического в текстообразующий (отсылочный) элемент.

Наблюдения над элементами, имеющими в данный исторический период «живую связь» с церковно-славянской традицией, позволили предположить, что использование славянизмов в текстах делового письма мотивировано передачей тех смыслов, которые в донациональную эпоху передавались в литературных текстах средствами «гибридного церковно-славянского».

Среди таких смыслов можно выделить **оценку** пишущим сообщаемого как значимого, высокого, которая находилась в прямой связи с темой сообщаемого. Еще один смысл, передаваемый с помощью славянизмов в текстах делового письма – коммуникативное намерение. Церковно-славянские элементы в этом случае, задавая определенную тональность тексту, способствовали эффективности общения между адресантом и адресатом текста.

В документах духовных ведомств и отдельных духовных лиц (Синода, митрополита Тобольского и Сибирского Антония, настоятеля Туруханского Троицкого монастыря) славянские элементы могут использоваться в качестве метасредств, маркирующих принадлежность адресанта соответствующей культурной и языковой традиции. Репертуар таких единиц достаточно широк (славянские союзы *аще*, *обаче*, *егда*, инфинитив на *-ти*, аорист, лексемы с древними чередованиями в основе заднеязычных и свистящих и некоторые другие). Выражение данного смысла может реализоваться независимо от темы документа и его жанровой модальности, и может быть неразрывно связано с двумя этими факторами.

Перспективы исследования видятся в изучении элементов книжной традиции и уточнении их функционального статуса в региональных деловых памятниках на протяжении всего XVIII столетия. Данные анализа только одной из функциональных сфер русского языка могут быть сопоставлены с результатами рассмотрения соответствующих элементов в литературе того времени для выяснения динамики стилистических категорий славянизмов и канцеляризмов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Кудрявцева, Е.А. Проблема «книжного влияния» на язык деловых документов начала XVIII века (графико-орфографический аспект) / Е.А. Кудрявцева // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 3. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2001. – С. 172-177.
2. Кудрявцева, Е.А. Славянизмы в деловой письменности первой половины XVIII в. / Е.А. Кудрявцева // Язык и текст: исторические метаморфозы: материалы межвузовской конференции, посвященной дню славянской письменности 24 мая 2002года. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2003. – С. 16-20.
3. Кудрявцева, Е.А. Церковнославянизмы в деловом языке духовенства (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря начала XVIII в.) / Е.А. Кудрявцева // Макарьевские чтения: материалы третьей международной конференции (21-22 ноября 2004 года). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. – С. 318-321.
4. Кудрявцева, Е.А. Восточносибирская деловая письменность в языковой ситуации начала XVIII века (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря) / Е.А. Кудрявцева // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2004.– С. 43-52.
5. Кудрявцева, Е.А. Деловой язык духовенства (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря начала XVIII в.) / Е.А. Кудрявцева // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 7. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2005. –С. 65-70.

6. Кудрявцева, Е.А. Варьирование именных флексий в восточносибирской деловой письменности начала XVIII века / Е.А. Кудрявцева // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. материалов международной научной конференции на факультете филологии и журналистики 21-23 сентября 2005 года. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2005. – С. 175-181.
7. Кудрявцева, Е.А. Конструкция «да+презенс глагола» и ее синтаксические синонимы в актовой письменности начала XVIII века: модальные возможности и стилистический статус / Е.А. Кудрявцева // Российский лингвистический ежегодник. 2007. Вып. 2 (9). – Красноярск: Изд-во СФУ, 2007. – С. 214-219.
8. Кудрявцева, Е.А. Деловое письмо и книжная традиция: черты преемственности (на материале восточносибирской деловой письменности начала XVIII века) / Е.А. Кудрявцева // Вестник НовГУ. Сер.: Филология. – Великий Новгород: – 2007. – №43. – С. 66-68.
9. Кудрявцева, Е.А. В.В. Виноградов о языковой ситуации конца XVII – начала XVIII в. / Е.А. Кудрявцева // Виноградовские чтения: материалы Всероссийской научной конференции 20-23 ноября 2001 г. Тобольск, 2001. – С. 148-149.
10. Кудрявцева, Е.А. Восточносибирская деловая письменность в языковой ситуации начала XVIII в. (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря) / Е.А. Кудрявцева // Россия и запад: диалог культур: тезисы 10-й Юбилейной Международной конференции 27-29 ноября 2003 г. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 53.
11. Кудрявцева, Е.А. Деловой и книжный язык XVIII века: черты преемственности / Е.А. Кудрявцева // Студент и научно-технический прогресс: материалы XLIII Международной научной студенческой конференции: Языкознание. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. – С. 107-108.

Для заметок

Для заметок

Отпечатано в г. Красноярск
Тираж 100 экз.
2007г.